

Глава 1

ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА

Февраль 1973 года

Смеркалось, выюжило, секло ледяной крупой с февральского неба. Кружило, швыряло жгучими пригоршнями в лобовые стекла грузовиков, натужно ревущих на крутых подъемах в гору. По старой Смоленской дороге ползли те грузовики — мимо, мимо, все дальше, дальше. Мимо леса, заснеженного, дремучего, погруженного в оцепенелый сон, в который как в смертную летаргию впадают в зимнюю пору одни лишь заповедные, закрытые, заказанные для посещения боры, рощи, пуши.

Со Смоленской дороги уводила в глубь леса просека, и у тех, кто мчался по шоссе, появлялось при виде ее порой странное щемящее чувство — словно в НИКУДА вела эта лесная дорога. И где, в каких дебрях терялась она, не ведала даже ушлая прожженная шоферня, знавшая назубок все окрестные проселки, бетонки, грунтовки и большаки.

Оранжевое солнце цеплялось из последних сил за сосны, медля заканчивать день. На просеке и в лесу было не так ветрено, как на шоссе.

В снегу — свежая глубокая колея. Ели, сосны, сорока-воровка, стрекочущая, орущая прорва, дозорный заповедного леса от непрошенных вторжений.

И как будто из ничего — из снега, из выюги возникший поперек просеки полосатый шлагбаум. А возле

него два бронетранспортера болотного цвета. И тут же вдоль дороги солдаты с автоматами.

А еще дальше снова бронетранспортер. И снова солдаты. Несколько офицеров в форме, люди в штатском, одетые тепло по февральской погоде — в полушубки, валенки, шапки-ушанки. Зеленые «уазы» с пятнистым маскировочным верхом. А еще дальше — огни, огни, огни строений, скрытых в самой чаще заповедного леса, имеющего статус государственного охотничьего заказника.

И — вереница черных правительственных лимузинов, похожих на гигантские галоши, забытые в этих местах кем-то когда-то...

Дальние выстрелы — как хлопки петард: бах! Ба-бах! Запах дыма бивачных костров. И месящий гусеницами снег и грязь трактор, с треском и грохотом что-то тянущий за собой на длинных крепких веревках. Что-то темное, громоздкое, оставляющее на снегу кровавый след.

Запах дыма.

Запах пороха.

Запах крови.

— Здоровые черти! Ну а этот всем боровам боров. Центнера на три потянет. Этого надо было на поляну, пускай бы себе сало делили, тешились. Кто его приложил?

— Немец, у него карабин видали какой? Бельгийский.

— Он бельгийский принципиально в руки не возьмет, вы что? Тем паче когда сюда, к Самому в гости едет. Свой у него карабин — немецкий, ихний отечественный.

— В Восточном фатерлянде такие марки не делают.

— Много ты знаешь, Щеголенко.

— Я что, по-твоему, в стволах не разбираюсь? Десятый год при этом самом деле состою. При красной императорской охоте.

— Ты болтай, Щеголенко, да не заговаривайся. У то-

варища Хонеккера оружие отличного качества, причем их собственного производства. Завод под Берлином, я каталог смотрел — ребята из Германии привозили.

Возле заглохшего трактора на поляне, со всех сторон окруженной лесом, — егеря, лесники. Тут же в забрызганных кровью, мокрых от снега охотничьих куртках офицеры охраны, суевающаяся обслуга гостевого охотничьего дома. На снегу — туши мертвых кабанов, славные охотничьи трофеи. Бурые шкуры, вздутые животы, задние ноги обмотаны веревками, чтобы волочить трактором было удобно.

Егерь Щеголенко в накинутах на плечи полушубке, достав из-за голенища нож, склонился над тушей самого крупного кабана, раздвинул задние ноги, ловким движением рассек промежность и вырвал, вырезал что-то с треском. Брызги крови фонтаном. В морозном воздухе разлилось зловоние.

— Давай вира по малой, волоки, пусть порадуются, разделят! — крикнул он трактористу, и трактор, взревев мотором, пополз по просеке в глубь леса, откуда тянуло дымом костров.

— Как тут у вас? Все готово? — К егерям подлетел запыхавшийся офицер охраны Ермалюк. — Давайте живее. Ждут.

— Ну, как там настроение-то? — спросил старший егерь. — Довольные хоть?

— Сам доволен. Веселый, шутит. Немец и румын тоже ничего, хоть и замерзли как цуцики. А венгр этот, товарищ Кадар, смурной. Не пойми чего ему надо — уж это разве не охота была? Одних свиней завалили пятнадцать штук.

— Ежели бы я их три месяца солью не прикармливал, хрен бы они хоть одного поймали, стрелки, — пробормотал егерь Щеголенко.

— Что? Разговорчики. — Ермалюк приблизился к нему вплотную. — Что-то больно болтать стал. Я давно уже замечаю. Давно к тебе присматриваюсь.

— Не связывайся ты с ними, — нервно шепнул Щеголенко старший егерь. — Сколько раз тебе говорил, они ж охрана, как псы, им везде все такое чудится, мерещится, чего и не было никогда ни у кого. Не дразни лихо, пока оно тихо. Чего тебе с ними делить? Сам тебя любит, отличает, возит вон всегда с собой, ты у него на охоте главный мастер, а им, конечно, завидно такое твое положение. А ты помалкивай себе.

— Да я и так молчу. Сказать уж совсем, что ли, ничего нельзя? — Егерь Щеголенко вспылел.

Гул трактора в чаще. Сорочий заполошный стрекот. Багровые полосы на снегу.

Егерь Щеголенко вытер окровавленную финку и спрятал ее снова за голенище. Когда выпрямился, краем глаза засек какое-то движение справа в ельнике, окружавшем поляну. Обернулся, всматриваясь, нет, померещилось. Тень среди снега и темных стволов... Нет, и правда померещилось.

— Закругляйтесь тут по-быстрому, — распорядился Ермалюк. — Леонид Ильич просил всех поблагодарить, всех без исключения. Молодцы, говорит, постарались. Так что молитесь бога...

— Что? — Егерь Щеголенко обернулся к нему.

— Моли бога, говорю, придурок.

— Что ты сказал, повтори.

— Эй, эй, эй, вы что, очумели? Сашка, замолчь, остынь, я сказал! — Старший егерь вклинился между ними. — Слушай, это, майор, ты тоже... того... Значит, поблагодарил Сам-то? Вот и хорошо, выходит, потрафили, угодили. Ну а это... А дальше-то что? Останутся они или как? У нас в гостевом доме будут или...

— Или. Уезжают. Там секретарь обкома уже часа полтора как дожидается по стойке «смирно». — Офицер охраны в чине майора, как было известно егерю Щеголенко, усмехнулся. — В доме приемов в Соргино будут ужинать, там все уже готово, так что вы тут можете отбой бить во все склянки. И давайте закругляйтесь

здесь. И ты тоже давай закругляйся, — бросил он хмурому Щеголенко.

Снег. Запах хвои.

Запах дыма.

Запах крови.

— Айда девятый квадрат еще пройдем с тобой, глянем, — предложил старший егерь, явно стараясь увести ершистого Щеголенко с поляны. — Может, осталась там какая животина неучтенная. Пальба-то какая с вышек шла, точно канонада.

Они углубились в лес. Миновали одну из деревянных охотничьих вышек. Снег под ней был истоптан. Всюду валялись стреляные гильзы, окурки.

— Да, охота, — вздохнул старший егерь. — Любят они это дело. Вот и до смоленских лесов добрались. В прошлый-то раз в Беловежскую Пущу ездили. А осенью к чеху в Карпаты. А в Югославию Ильич тебя с собой брал?

Щеголенко кивнул. Он снова оглянулся. Ему опять почудилось там, сзади, среди снега и ельника, какое-то движение. Подозрительное движение, какое-то странное, рваное, неровное, лишенное пластики, присущей любому дикому животному.

— Ты чего, Саш?

— Ничего, так. Броз Тито тот еще стрелок, хотя и старик уже совсем.

— Там с флажками охота была, кажется, да? Ну, конечно, потешились всласть. Про флажки-то здорово этот хрипатый поет...

— Кто? — спросил Щеголенко.

— Ну этот, как его... Высоцкий, что ли. Тот, что на Колдунье женился. Тут на днях Вальке Купцовой, ну, что на пульте охраны у нас сидит, Жеребенко две катушки записей новых приволок.

— А что, Валька до сих пор еще того, работает? Ей же рожать вот-вот...

— Да, видно, еще терпимо пока. Интересно, кто ж

ей это удружил? Молчит! Уж к ней и парторг подступал, я слышал, просил настоятельно имя отца ребенка назвать. Ведь это явно из наших кто-то ее в койку-то... А она молчит, не признается, ни гугу никому. А на работу выходит, сидит себе в своем закутке. У нее ж там техники навалом, пульт, прослушка, ну и магнитофон, конечно, импортный. Так вот записи с концерта этого хриплого. Мы прямо животы надорвали — там и про дурдом, и про Зинку, и про евреев — про все поет. И про охоту тоже. Про охоту на волков. Строка там прям в самую точку — мол, бьются до рвоты и волки, и егеря... И пятна красные флажков на снегу...

— Слушай, что это там, по-твоему, а? — тихо сказал егерь Щеголенко.

— Где?

— Вон, за сосной.

Старший егерь взгляделся. И... то ли снег был тому причиной, то ли блики закатного солнца, то ли тени февральские фиолетовые колдовские, но почудилось ему... Почудилось такое, что прошиб его пот.

Под старой сосной в снегу лежало тело. Старший егерь ясно увидел выброшенную вперед руку со скрюченными, сведенными судорогой пальцами.

«Подстрелили... Так и есть, мать моя женщина, прикончили кого-то... Вот те и случай на охоте... Вот тебе и благодарность... Мать моя, это ж дело подсудное — убийство».

От волнения он аж зажмурился. Услышал хруст снега и удивленное восклицание Щеголенко. Открыл глаза, ожидая, что вот сейчас все это обрушится на его голову как лавина (ведь за организацию охоты и расстановку людей в лесу отвечал лично он). Скрюченные пальцы, впившиеся в снег, лицо мертвеца и...

Рука, которую он так ясно видел, видел даже с зажмуренными в приступе острой паники глазами, обернулась волчьей лапой с когтями.

Под сосной в снегу лежал труп огромного волка со

свалявшейся на боках шерстью странного изжелта-бурого, совсем не зимнего, а какого-то непонятного окраса.

Старший егерь, человек бывалый, отважный, сначала остановился как вкопанный. Потом попятился. Затем взял себя в руки. Ладно, чего не бывает на охоте. Тем более такой — полной амбиций, нервов, надежд — великой красной императорской охоте, где пестрит в глазах от генсеков из братских стран Варшавского блока, где не дай бог ошибиться, напортачить, не суметь угодить, не дай бог прогневить Самого Главного Генсека, который так любит охоту и все, что с ней связано.

Рука со скрюченными пальцами, впившимися в снег, — он же видел ее своими собственными глазами. Что же это он, ослеп? Или на какое-то мгновение сошел с ума? Отключился? Сорвался с катушек?

А сейчас перед ним широкая волчья лапа с кривыми когтями. И волчья морда, ощерившая клыки.

— Ни хрена себе. — Егерь Щеголенко обошел вокруг, утапывая снег. — Вот это зверюга, прямо тигр, а не волк, сколько ж в нем от морды до хвоста-то? Черт, рулетку бы сюда, смерить... И откуда тут ему взяться? Вообще-то в заказнике волки есть, как не быть им, но... Да и с лесником здешним мы говорили на этот счет, он ничего такого... Эй, ты чего это?

— Ничего. — Старший егерь сглотнул ком в горле. — А ты, Саш... это... Ты лучше отойди, не трогай, не касайся его!

Щеголенко с изумлением воззрился на коллегу. Чего это он орет? Ну ЧП, конечно, во время кабаньей охоты волчина из лесу выскочил. Ну и напоролся на пулю. Кто же это его уложил? Крови вроде не видно. Значит, с одного выстрела сняли. Чей же это трофей? Товарища Хонеккера, или товарища Кадара, или товарища Чаушеску? А может, Сам ему пулю в башку вцепил из оптической дальнобойной?

— Крови вроде не видно, — вслух повторил Щеголенко.

— И следов тоже, — хрипло сказал старший егерь. — Ни волчьих, ни чьих кругом.

— Откуда бы ему тут взяться? — Щеголенко нагнулся.

Волчий глаз — тусклый, желтый, мертвый. Разинутая пасть, точно в приступе смертной зевоты. И клыки, такие клычищи... Ах ты, волк-волчище, государь ты наш, волк, батюшка, император зимнего леса...

— Слушай, его бы сфотографировать да смерить, хорош собака, на чучело сгодится. Как Самому-то потом доложим, что вот, мол, во время охоты был добыт и скорее всего вами, — егерь Щеголенко усмехнулся. — Ты давай сходи, позови сюда наших, и фотоаппарат пусть захватят. А я его покараулю, а то, видишь, снег какой, пока туда-сюда мыкаемся, тут все заметет, не найдем потом ни хрена.

— Саш, черт с ним совсем, пойдем оба отсюда, — старший егерь потянул его за рукав.

— Да ты что? Иди, я тут побуду, веревкой ему лапы задние завяжу и, может, вон на тот сук вздерну, — Щеголенко указал на сосну. — Сподручнее фотографировать будет, весь метраж налицо, а то в таких сугробах неловко.

Прежде чем нырнуть в заросли, старший егерь обернулся: вот такое расстояние отделяло его тогда от сосны, когда он так ясно увидел в снегу тело и руку, белую бескровную кисть, пальцы, скрюченные, как когти. И что же видно сейчас ему отсюда, с этого безопасного расстояния? Видна сосна, виден Щеголенко, разматывающий веревку, и... Видно что-то темное, бесформенное в снегу, что-то непонятное, неподвижное, бездыханное, мертвое. Не человек, не зверь, не волк. Трофей?

Щеголенко помахал ему: ну что же ты, торопись, не до ночи же тут торчать? Ну, уж конечно, не до ночи.

НЕ ДАЙ МНЕ БОЖЕ ОКАЗАТЬСЯ ТУТ В ЛЕСУ НОЧЬЮ...

Старший егерь, тяжело дыша, проваливаясь в глубокий снег, напролом сквозь кусты ринулся назад за подмогой. Туда, где все так привычно, знакомо — дым костров, говор, смех, гвалт, туда, где люди, охрана, солдаты, бронетранспортеры. Щеголенко просил рулетку и фотокамеру. Сейчас он направит туда людей из охотхозяйства, пусть и занимаются этим волком. Пусть потом охрана доложит Самому, а уж Сам решит, на счет кого из высоких партийных гостей записать знатный трофей. А он, старший егерь, НИЧЕГО ТАКОГО ОСОБЕННОГО не видел. Просто померещилось от напряжения, от усталости, давление, наверное, подскочило, и приключился какой-нибудь сосудистый спазм, вызвавший глюк, видение.

Волчья лапа с кривыми когтями, похожими на крючья. Полоснет такая лапа, с живого скальп снимет, пикнуть не успеешь...

Впопыхах старший егерь сделал то, что до этого не делал никогда в жизни, — сбился с курса, забрал немного вправо. Поляна, где считали кабаньи трофеи, оказалась в стороне.

Оранжевое солнце падало в безвременье, опускалось за край земли — в смоленские снега, в темную ночь. Сумерки сгущались. Со стороны гостевого дома по шоссе в направлении шлагбаума, бронетранспортеров, охраняющих въезд-выезд с территории охотничьего заказника, медленно двигалась вереница черных правительственных лимузинов. Высокие гости отбывали восвояси.

А примерно в километре от главной дороги, ведущей в охотхозяйство, на лесной просеке вот уже почти четверть часа натужно буксовала в снегу «Скорая помощь». Пока весь личный состав обеспечивал в лесу «охотничьи мероприятия», в гостевом доме случилось в общем-то ожидаемое, но весьма несвоевременное ЧП. У старшего лейтенанта роты охраны зданий Вален-

тины Купцовой (той самой, которая слушала на казенном магнитофоне записи Высоцкого) начались родовые схватки. Роды были явно преждевременные, но делать было нечего: дежурный срочно вызвал из райцентра «Скорую». «Скорая» примчалась, но вместо бригады акушеров за роженицей прибыл один лишь молоденький медбрат.

Старшего лейтенанта Купцову повезли в местный роддом. Но на просеке «Скорая» застряла среди ухабов и сугробов. И некому, некому было помочь в заповедном лесу. Шофер, матюгаясь, жал на газ. Роженица, вытянувшаяся на кушетке, застеленной клеенкой, стонала, кусала губы, крепилась, крепилась, глотала слезы, терпела, терпела... И вот, не в силах больше сдерживаться, визгливо, страшно заорала.

— Потерпите, прошу вас! — Медбрат, испуганный, взъерошенный, выскочил на снег с намерением подтолкнуть застрявшую машину.

Выскочил и увидел старшего егеря, которого, наверное, сама нелегкая занесла так далеко от поляны — сюда, на глухой проселок.

— Помогите! У нас женщина рождает! — медбрат замахал руками.

Старший егерь подбежал — задыхающийся, мокрый от пота. Он был рад... черт возьми, никогда в жизни он не был так рад, так счастлив увидеть... эту вот воняющую бензином жестянку, этого пацана в белом халате... он был счастлив безмерно, что...

ЧТО ВСЕ ЭТО БЫЛО НОРМОЙ. И он сам был в норме. А тот сосудистый непонятный спазм там, в лесу, та сосна и то, что валялось в снегу под ней, мертвая падаль, эта тварь...

НИЧЕГО ТАКОГО НЕ БЫЛО. ОН НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ. ПРОСТО ПОМЕРЕЩИЛОСЬ СО СТРАХА.

— Раз-два, взяли! Еще раз взяли! — с ходу вместе с медбратом старший егерь налег плечом на кузов «Скорой». — А ну давай, давай, давай, еще, еще!

— Ничего не получается, — санитар сдался первым. — Намертво завязли!

Из «Скорой» послышался крик роженицы.

— Бегите за помощью, — медбрат ринулся внутрь. — Ее надо срочно в роддом, я тут один не справлюсь.

Итак, помощь требовалась уже не только Щеголенко, и старший егерь надал ходу.

Старший лейтенант Купцова снова отчаянно и страшно закричала от боли. И вопль этот, вой лес усилил зимним эхом стократно.

Егерь Щеголенко резко выпрямился. Что это было? Там — далеко, а может, близко. Кажется, со стороны дороги, а может, и в чаще. Так кричит жертва в лапах хищника, когда он, этот хищник лесной, бросается из засады, всаживая клыки в живую плоть.

Откуда взялся тут этот волк, размером с хорошую телку? Слишком крупный даже и для заказника?

Щеголенко обмотал задние ноги волка веревкой, затянул крепкий узел, попробовал веревку. Выдержит вес? Ничего, выдержит. На дерево вздернуть трофей — оно даже к лучшему. Сейчас темнеет уже, когда там еще напарник с фотоаппаратом обернется. Не фотографировать же для личного охотничьего альбома генсека при фонарях? Завтра с утраца вернемся сюда, сделаем снимки качественные. А волк ночь повисит таким вот макаром, как висельник, зато никакие падальщики навроде росомахи до него не доберутся.

Щеголенко зашел сзади и потянул за веревку. Потом примерился, размахнулся и перекинул свободный конец через сук, нависший над поляной.

И тут над лесом пронесся снова тот странный звук — крик, вой. И лес его снова услышал и принял, усилил, а затем заглушил, оборвал порывом ветра.

Щеголенко, напрягшись, потянул веревку на себя. Тело волка в снегу дрогнуло, подалось. Задние лапы, стянутые путами, приподнялись. Это Щеголенко видел. Он не видел другого: мертвые зрачки в желтых

мертвых волчьих глазах, припорошенных снегом, внезапно сузились, а потом расширились, полыхнув черной искрой.

Эх, взяли! Еще раз взяли!

Тело висело на сосне, слегка раскачиваясь. Щеголенко закрепил веревку вокруг ствола. Передние лапы болтались примерно в метре от земли. Голова волка была на уровне лица Щеголенко. Он смотрел на трофей. Затем потянулся к волчьей морде, хотелось пощупать мех, дотронуться до оскаленных клыков.

«Милый друг, наконец-то мы вместе, ты плыви, наша лодка, плыви. — Лесную тишину вспорола песенка, эстрадная птичка-невеличка из включенного на полную громкость транзистора. — Сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви».

Сердцу хочется...

К сосне, к Щеголенко, к волку-трофею из заснеженных зарослей шагнул тот самый майор охраны Ермалюк — охотничья куртка на одном плече, как ментик гусарский, на шее транзистор болтается, в руке — пистолет (для офицера охраны с ним привычнее даже на охоте).

— Это еще что за дрянь? — спросил он громко, распространяя вокруг крепкий коньячный запах (улимонили высокие гости на черных лимузинах, пора себе и это самое позволить, маленько нервы расслабить).

— Не видишь, что ли, волк. Случайно подстрелили.

— То есть как это случайно? — Майор Ермалюк подошел к трофею, оглядел. — А кто разрешил?

— Никто не разрешал, он сам откуда-то выскочил, ну и под выстрелы с вышек, видно, попал. — Щеголенко чувствовал злость и досаду.

— Кто разрешил, я тебя спрашиваю! Правительственная охота, все мероприятия согласованы, объекты утверждены, а тут это... эта вот дрянь, хищник. — Майор Ермалюк резким жестом ухватил вздернутого на сосну волка за вздыбленный загривок.

«И хорошей большой любви», — прохрипел транзистор, и это было последнее, что услышал лес, окруживший их стеной со всех сторон.

Тело, вздернутое на дыбу, изогнулось стальной пружиной. Щеголенко увидел огромную волчью лапу с кривыми когтями, она рассекла воздух, как теннисная ракетка, и ударила наотмашь...

Фонтан крови из разорванных шейных артерий взвился вверх, и что-то круглое, как мяч, живое, орущее от боли, а через секунду уже мертвое было отброшено и покатилося, покатилося, покатилося по снегу, пятная его алым.

Голова майора охраны отлетела к ногам Щеголенко, а тело майора охраны мешком свалилось на землю.

Затрещала натянутая веревка и оборвалась, лопнула как струна. Щеголенко упал навзничь и не успел подняться: НЕЧТО обрушилось на него сверху, вгрызаясь клыками в горло, забивая распяленный в крике рот воющей звериной шерстью...

Когда трое лесников заказника под предводительством старшего егеря в сгустившихся сумерках вышли на поляну к сосне, транзистор в снегу все еще играл: передавали эстрадный концерт. «А нам все равно, а нам все равно, пусть боимся мы волка и...» — пел Юрий Никулин.

Ремешок транзистора почернел от крови. Один из лесников, увидев то, что предстало их взору, согнулся пополам в неудержимом приступе рвоты.

Обезглавленное тело, обмотанный ремешком транзистора кровавый обрубок шеи, сведенная судорогой рука, сжимающая табельный пистолет...

Старший егерь споткнулся о труп Щеголенко. У него было разорвано горло. На снегу багровела лужа натекшей крови.

На ветке сосны над их головами болтался обрывок веревки.

— Оба мертвые, Щеголенко Сашка... я же только

что... полчаса назад тут, — старший егерь затравленно оглянулся. — А где волк? Где следы? Где волчьи следы?!

И словно в ответ ему эхом бабахнул в лесу далекий выстрел.

— Это на просеке, там, где «Скорая» завязла, ты ж туда солдата из охраны на тракторе направил! — крикнул один из лесников, сдергивая с плеча карабин.

Они мчались, не разбирая дороги, и лес, каждый квадрат которого они все знали как свои пять пальцев, выглядел так, будто это был совсем другой лес, лес-незнакомец, чужой лес. Сумерки ли тому были виной или их собственное душевное состояние, а может, проделки лешего, который порой куролесит даже в суперзакрытых правительственных сверххраняемых охотничьих угодьях? А может, это были проделки и еще кого-то, имени которого лесники — люди бывалые, отважные, ходившие и на кабана, и на волка, и на медведя, — не поминали всуе.

Просека была уже почти вся скрыта тьмой. Единственным пятном света были фары трактора, который, урча мотором, отчего-то съехал в кювет. Посветив в кабину фонарем, старший егерь увидел там белое от страха лицо водителя. Потом оказалось, что это водитель «Скорой помощи», бросивший свою машину и закрывшийся в тракторе.

Двери «Скорой» были распахнуты настежь. Под колесами лежал медбрат — лицо его было ободрано, на плече зияли рваные раны. Но он был жив, дышал.

Внутри, в кузове «Скорой», в свете фонаря плясали снежинки. Старший егерь увидел женщину на больничной клеенке и с трудом узнал ее: неужели это Купцова — Валя Купцова? Внизу, на полу, что-то пискнуло, закричало, а потом закричало надсадно и громко, оглушая, трепая спасения.

Это был новорожденный младенец. Потрясенный старший егерь скинул с себя охотничий бушлат и завернул в него голое сморщенное тельце, оно дергалось в его руках, извивалось, как червяк, и орало, орало...

Медбрата вытащили из-под колес, лесник прижал к его губам фляжку с водкой, тот глотнул, закашлялся. Два исполненных ужаса глаза глянули на них.

— Где ОНО?

— Что? Кто? Что тут было? Кто вас ранил? Где наш человек, который приехал за вами на тракторе?

— Я... я не знаю, что это было. Оно выскочило из леса и ворвалось к нам. Я роды принимал, роды начались преждевременно, и я делал все возможное... Оно отшвырнуло меня прочь...

— Мы слышали выстрел. Где наш человек?

— Он стрелял в него, не знаю, попал ли... Оно утащило его в лес...

— Оно? Волк, ты это хочешь сказать, парень?

— Я не знаю, может, и волк... Оно было огромным, обросшим шерстью, оно сначала было на четвереньках, а потом... потом оно... господи боже... Оно убило ребенка?

Из «Скорой» послышался детский писк.

— Никаких следов! — крикнул один из лесников, шаря лучом фонаря по окружающим просеку сугробам. — Я не нашел никакого следа — ни из лесу, ни назад в лес!

А снег все падал, падал. Свет от включенных фар трактора упирался в стену леса. Дальше тьма была непроглядной. Мотор трактора работал вхолостую, и только один этот механический звук внушал хоть какую-то уверенность, возвращая к реальности.

Наши дни

А что есть реальность? Нечто, данное нам в ощущении, а может, в снах о прошлом? Нечто, что мы можем слышать, обонять, осязать, даже когда глаза наши закрыты, а сердце как обручем стиснуто ужасом, трепетом, сумасшедшим восторгом, безумием?..

Рев мотора.

Запах бензина.

Вкус крови из прикушенной губы.

Это ли не есть самая настоящая и единственная реальность? Вкус собственной крови... Единственная нить, связывающая вас с внешним миром, когда глаза ваши закрыты, а память подернута мглой? Снежинки, пляшущие в пятне желтого света, леденящий холод, которым встретил вас этот мир тридцать пять лет назад...

Просеки никакой не было и в помине. Было шоссе, были сумерки, на фоне леса тлели дорожные фонари. Где-то совсем близко дачная подмосковная станция Узловая. Туда подходила электричка. А по шоссе мчался мотоциклист. Хромированная металлическая сияющая громада «Харлея» в сочетании с черной кожей и аспидным мотоциклетным шлемом, похожим на инопланетный хай-тек.

Рев мотора.

Запах бензина.

Скорость...

В иные мгновения именно скорость составляла главный смысл жизни того, кто вот уже тридцать пять лет звался Олегом Купцовым по прозвищу Гай среди друзей, которых у него было немного, женщин, которые водились у него всегда в огромном количестве, и соперников — байкеров, которых он, не будучи сам настоящим, истинным байкером, в глубине души презирал как некую низшую, недостойную внимания и зависти неполноценную расу.

Сияющая громада «Харлея», тянущаяся стальной струной, льнущая резиной к дороге, упругий ветер в лицо — еще секунда, и все это пронесется мимо станции Узловой, где нет ничего, кроме платформы, разъезда, автобусной остановки и дома путевого обходчика с покосившимся забором, грядками картошки да гнилым курятником.

На платформу с электрички сходили пассажиры. Одна из пассажирок — пожилая, худая как жердь — во-

локла за собой тяжело нагруженную коляску. Она как раз собиралась переходить шоссе, но, увидев мотоциклиста, суетливо повернула — от греха. Мотоциклист на полной скорости пронесся мимо и вдруг резко, со скрежетом, затормозил. Стоя на обочине, женщина увидела, как странно завилыла вся эта мощная ревущая хромированная громада — завилыла, разом теряя силу, напор. И вот уже она катит, точнее, ползет, как неуклюжая черепаха, как будто тот, кто сидит в седле, утратил весь свой кураж или заснул на ходу, а может, ослеп?

Женщина с тяжелой тележкой перебежала дорогу и скрылась в сумерках. Олег Купцов по прозвищу Гай остановился, медленно обернулся.

Он еще издали заметил женщину на обочине. У него было острое зрение. Женщина в сумерках с хозяйственной сумкой в замызганной голубой ветровке — сутулая, пожилая. Именно такой он видел в последний раз свою мать. Ее вывела на прогулку санитарка. Мать волочила за собой сумку на колесиках. Во время прогулок по закрытому больничному двору она всегда тащила за собой эту кладь. На дне сумки хранились «сокровища», которые мать собирала все долгие годы, проведенные в больнице закрытого типа: разрозненные листы календаря, открытки, старые зубные щетки, резиновый мячик.

В тот раз она плюнула в сторону Гая, и медсестра со вздохом посоветовала ему немедленно уйти и пока больше не настаивать на свидании с матерью.

Он и не настаивал.

Мать дважды пыталась задушить его, когда он был грудным. Тогда ей поставили диагноз: послеродовая горячка. Затем диагноз поменяли: острый психоз.

В следующую их встречу — ему тогда было семь лет — мать в присутствии своего старшего брата и его жены, которые взяли Гая на воспитание, стоя на безопасном расстоянии, словно он был заразный, прокаженный, долго пристально всматривалась в его лицо. Он помнил этот взгляд — блестящий, липкий, ему ка-

залось, что по лицу его ползает жирная навозная муха. «Уберите его, убейте его! — закричала мать, и лицо ее исказилось от отвращения и ужаса. — Проклятое отродье, зверь, зверюга! Убейте его!»

В тот год в Москве проходила Олимпиада. И Мишка улетал со стадиона на связке шаров. Олегу Купцову, который тогда еще не имел прозвища Гай, снился по ночам один и тот же сон. Это его привязывают к связке шаров и запускают в небо, как мишень. А потом лихие охотники расстреливают его и воздушные шары из ружей под крики сумасшедшей матери: убейте, убейте его, убейте зверя!

Та старуха с кошелкой на колесиках, возникшая в сумерках на обочине как призрак...

ПОЧЕМУ СТАЛО ВДРУГ ТАК ТРУДНО ДЫШАТЬ?!

Гай отстегнул ремешок и рывком снял с головы мотоциклетный шлем. Мимо проплыли покосившийся забор, чахлый огородишко, сломанная калитка.

В этот вечер путевому обходчику Панкову, вернувшемуся домой из бани и выпившему по случаю «обмыва» чекушку, снился какой-то нехороший тяжкий сон. Вроде и прилег-то всего на часок до вечера, когда самая работа — надо вставать, начинать обход, пропуская скорые поезда. А тут такая хрень снится: будто на его огород кто-то забрался чужой — зверь, хищник. И собака, что привязана во дворе, сначала лаем заходилась, а теперь все воет, скулит от страха. И куры в курятнике квохчут как оглашенные, а коза — та и вовсе мечется в закутке, обреченно, остервенело бляя.

Во дворе в сумеречной мгле что-то движется. Чья-то тень — косматая комета. Подкрадывается к дому, заглядывает в окно террасы. И собака, забившись в будку, уже даже не воет, по-щенячьи визжит от смертного страха.

Обходчик Панков проснулся в поту. Мать вашу... да что ж это... а собака-то и правда воет, скулит.

Он сполз с кровати, выглянул в окно: у дома силуэт — что-то черное, или, может быть, это в глазах черно?

Мужик еще не старый, крепкий, Панков хоть и выпивал, но был не робкого десятка. Прихватив тяжелую кочергу, он распахнул дверь.

На завалинке у крыльца — незнакомец, затянутый в кожу, бессильно привалился спиной к доскам. У ног на земле черный шлем от мотоцикла.

— Эй, ты чего тут?

Незнакомец медленно поднял голову.

— Пошел отсюда, здесь тебе не сквер городской! Ты что, и калитку еще мне сломал, падла?

Незнакомец с усилием, цепляясь за крыльцо, начал подниматься, выпрямляться во весь свой немалый рост.

Собака, заползшая в конуру, едва он ступил на дорожку между грядок, начала визжать так, словно ее ошпарили кипятком.

И этот визг, полный ужаса, подействовал на обходчика Панкова как холодный душ. Он отпрянул и быстро захлопнул дверь, задвинул засов, заорав:

— Сейчас в милицию позвоню, пошел отсюда, ублюдок занюханный!

С треском вылетели деревянные плашки, окно террасы осыпалось со звоном и грохотом: Олег Купцов по прозвищу Гай выбил его рукой в кожаной перчатке.

Глава 2

ИМПЕРАТОРСКИЙ ГЕЙ

Лондон. Наши дни

— Позади остался Гайд-парк, мы его только что с вами проехали, слева можете видеть знаменитые Кенсингтонские сады, здесь расположен Кенсингтонский дворец, где до 1997 года проживала принцесса Диана.

Салон автобуса, переполненного русскими туристами, захлестнула волна любопытства: все головы повернулись, тела заерзали в креслах, руки с цифровыми ка-

мерами потянулись к окнам. И только один турист — Игорь Деметриос упорно глядел в противоположную сторону. Не поддаваться чужому внешнему влиянию — это было чисто профессиональной его чертой, заповедью, которую он соблюдал всегда и везде, даже в отпуске.

Игорь Деметриос — дипломированный психолог-психотерапевт, вот уже несколько лет успешно занимающийся в Москве частной практикой, в этот свой отпуск решил съездить в Лондон. Купил в турфирме на Солянке стандартный тур «Лондон экскурсионный» и практически сразу в поездке жестоко разочаровался. Шумно, людно, туристический автобус, собирающий соотечественников по всем отелям от Сохо до вокзала Паддингтон, битком набит. Все галдят как галки, орут как грачи, все какие-то вздрюченные, точно и не отдыхать приехали. На обзорной экскурсии по городу молоденького гида закидали вопросами на засыпку. Он все по программе: вот, леди и джентльмены, Биг-Бен, вот Вестминстерское аббатство, вот собор Святого Павла, вот вам, пожалуйста, Тауэр, восхищайтесь. А ему со всех сторон на разные голоса:

— А где тут у вас универмаг Харродс?

— Покажите дом, который купил Абрамович!

— Где живет Мадонна?

— Отель «Миллениум», где Литвиненко прикончили, близко отсюда? Это на какой стрит? Суши-бар там еще был какой-то японский... Радиоактивно там все еще или уже дезактивировали?

— Где у вас тут Березовский обосновался?

Сады Кенсингтона и дворец леди Ди были все из той же оперы. Игорь Деметриос, по роду своей профессии вынужденный быть терпимым и снисходительным к человеческим слабостям, чувствовал, что все, баста — закипает от досады. Плюнуть надо было на экскурсию и отправиться самому смотреть Лондон в одиночестве. Заблудиться в Сохо сладко и беспечно и бросить якорь в каком-нибудь пабе «Адмирал Дункан», где тусова-

лись представители нетрадиционной ориентации. И, быть может, встретить за стойкой голубую мечту, увы, так и не встреченную в Москве: парня из фильма «Карты, деньги, два ствола», только чтобы похож был непременно на Вигго Мортенсена в роли русского братка с крутыми наколками.

Голубые мечты — ядовитые змеи, жалят в самые-самые интимные наши места и не дают, не дают, не дают нам расслабиться, оторваться даже на отдыхе, даже в матери городов вселенских, туманном Лондоне.

Игорь Деметриос тряхнул головой: не спи, солдат, замерзнешь. Это все предки, конечно: дед — грек, бабка — гречанка, крымская кровь, чертов портвейн. Но заблудиться в Сохо одному, без соотечественников, было бы в кайф. Ну ничего, он сегодня к вечеру свое наверстает.

— Мы проезжаем по набережным Темзы, позади осталось знаменитое колесо обозрения «Лондонский глаз» на южном берегу. Перед нами мост Виксхолл-бридж, современное здание, что перед вами, — это штаб-квартира английской разведки «МИ-6».

Розовое здание, похожее на халдейский храм, точно щитами, прикрытое темными стеклами, проплыло за окном автобуса. Над Темзой свинцовой стеной вставляли тучи. День был солнечным и ясным, и, наверное, от этого тучи теперь казались черными горами, вот-вот готовыми обрушиться в реку. Но через пару минут солнце утонуло в облачности и стало просто серо. По крыше автобуса забарабанил дождь.

— Типичная лондонская погода, — с мягкой улыбкой, точно смакуя, объявил гид.

Автобус добрался до конечной точки маршрута на площади перед Британским музеем. Дождь лил как из ведра. Игорь Деметриос — без зонта, в промокшей насквозь белой футболке, раздумывал недолго. Нечего было раздумывать: такси не видно, потоп. И даже смелая караула... «Мне только что позвонили из тур-агент-

ства, — объявил гид еще в салоне, — к сожалению, смена караула перед королевским дворцом ввиду погодных условий отменяется, так что, леди и джентльмены, наша экскурсия закончится не у Букингемского дворца, а у Британского музея».

Такси — лондонский кеб мог умчать Игоря Деметриоса в Сохо или куда глаза глядят, но в такую погоду и такси, видно, на фиг залило. Серая громада музея, античный портик, туристы, жавшиеся под его своды, как овцы. Ничего не оставалось, как войти — посетить, скоротать, переждать, обсохнуть.

И лишь внутри Игорь Деметриос понял, что попал туда, куда нужно. В вестибюле бросался в глаза огромный плакат, анонсирующий недавно открывшуюся выставку: «Император Адриан: империя и конфликт». Человек образованный, Игорь Деметриос о римском императоре кое-что слышал, но не это заставило его встать в хвост длиннющей очереди в кассу (на выставку в бесплатном Британском музее продавали билеты! И это уже о чем-то говорило). Занять очередь заставила его публика. Было, конечно, много туристов. Но было много и местных. И каких! Таких, пожалуй, и в Сохо в закрытом клубе не встретишь.

Держась за ручку, томно профланировала парочка: оба рыжие, истые шотландцы, кровь с молоком. А вот еще двое — эти вообще в обнимку, никого не стесняясь: совсем юнец и джентльмен постарше в рубашечке от Пол Смит в синюю полоску. А там и немцы — целый экскурсионный выводок, на футболках разводы гейской радуги. Панки — японцы с ярко-зелеными волосами, пухленькие девицы, оксфордского вида мужички, толстые леди в обтягивающих кожаных брюках с заклепками, и снова туристы, туристы — шведы, датчане.

— Двенадцать фунтов, офигеть! Я не пойду.

— Интересно же. И потом такой ажиотаж, ты только посмотри, Женя.

— Двенадцать фунтов билет! Это сколько в долларах, Жабик, ты посчитай.

— Не зови меня Жабиком.

— Можешь меня Жопиком звать.

— Дурак!

— Ну ты что... ну прости, ты шуток не понимаешь? Ладно, черт с ними, с фунтами, давай пойдем на эту выставку, раз уж так тебе хочется, все равно дождь.

Игорь Деметриос оглянулся: вот вы в Лондоне, стоите в очереди и кто же — кто, скажите, дышит вам в затылок? Конечно, вездесущие соотечественники. Жабик и Жопик — это ж надо!

За ним стояла пара. Очень приятные, относительно молодые, ровесники его — он и она. Она темноволосая, кругленькая — этакая ясноглазая простушка из числа «добрых товарищей», что как влезут в джинсы, кроссовки и в толстовку с капюшоном, так и в пир в этом прикиде, и в мир, и за границу. Он высокий, светлый, крепкого телосложения, жует мятную конфету. По виду типичный «славный малый», интеллект явно средний, зато подбородок квадратный, сильно развит плечевой пояс, грудные мышцы накачаны, чем явно гордится, выпячивая грудь колесом: вот, мол, какой я здоровый. А вы тут все — хилая банда, интеллигенты.

На выставку нужно было пройти в круглый читальный зал. Игорь Деметриос двигался в общем потоке, ощущая себя частью какого-то избранного и вместе с тем единого целого. Желтый свет... Гул голосов... Вообще-то совсем неплохо для начала отпуска в Лондоне. Можно, пожалуй, вспомнить украдкой и про голубые мечты...

На фоне темных декораций — гигантская мраморная голова императора, обломки колоссальной статуи. Круглый зал под куполом. Бюсты, доспехи, монеты, мозаика.

— Доставшаяся императору Адриану империя простиралась от Британии до Ближнего Востока.

И опять родная речь! Женщина-экскурсовод громко читала лекцию супружеской паре новых русских, что в отличие в других туристов не пожелали воспользоваться «трубками-гидами», которые раздавали при входе.

— Едва став императором, Адриан распорядился вывести войска из Месопотамии, то есть с территории современного Ирака, и, как вы понимаете, такое совпадение с современным положением вещей не может не...

Деметриос переходил от экспоната к экспонату, но больше наблюдал за посетителями. Вон тот бой в розовой рубашке, взгляд с поволокой, здорово было бы... Хотя вряд ли это возможно. Да и как завязать знакомство? «How do you do? Меня зовут Игорь, а вас как, сэр?» Вон паренек тоже ничего. Глаза горят, как у кошки. А смотрит... нет, не на меня и не на японца в зеленке, смотрит на мраморный бюст Антиноя, что выставлен в нише.

— Император Адриан остался в истории не столько как государственный деятель, сколько как лидер державы, впервые официально не скрывавший своей нетрадиционной сексуальной ориентации...

МОЛЧИ, ЖЕНЩИНА, ТЫ ВСЕ ТОЛЬКО ПОРТИШЬ СВОИМ ВСЕЗНАЙСТВОМ! Деметриос, который по профессии своей должен быть терпим и снисходителен ко всему, в том числе и к женскому всезнайству, был готов сейчас, в эту минуту, заткнуть этой досужей бабегиду рот кляпом из сахарной ваты. Помолчи, мы сами разберемся, мы тут для этого и собрались все вместе.

— Предметом страсти императора был юноша Антиной, вот его бюст перед вами. После трагической гибели любимца император...

Деметриос оценивающе оглядел любимца: красивый парень, жаль только, что мертвый. И уже так давно. Истлел, разложился, рыбы съели. Интересно, был брюнет или блондин? Сам Адриан бороду и кудри золотил специальной золотой пудрой, прыщи скрывал,

прихорашивался, а этот мраморный паренёк... Он ему годился в сыновья.

Сбоку зависла все та же парочка соотечественников: он и она.

— Женечка, ты что?

— Ничего, все нормально, супер гуд.

— Не знаю, мне показалось...

— Супер гуд. Смотри, какие павлины.

Бронзовые золоченые павлины, привезенные на выставку из музеев Ватикана, и правда были гвоздем экспозиции. Перед ними, как и перед голой статуей Адриана в образе Марса, толпились зеваки. Но больше всего их было возле Антиноя.

— Смерть императорского гея была загадочна и покрыта тайной. По официальной версии он утонул в священном Ниле. Но по другой версии он покончил жизнь самоубийством, доведенный до отчаяния домогательствами императора. Некоторые же утверждали, что он был утоплен по приказу самого Адриана, который не мог простить ему отказа и измены...

— Женя, что с тобой?

— Я в порядке. Что ты пристала ко мне.

— Но ты... у тебя такое лицо...

— Оставь меня в покое. А ты что уставился на меня, забугорный? Ты что смотришь, что пялишься, ну?!

Игорь Деметриос вздрогнул. Скандал по-русски? Здесь, в круглом читальном зале, похожем на знаменитый Пантеон, на рафинированной выставке, привлекающей пол-Лондона?

— Что ты все пялишься на меня?!

Тот самый «славный малый» из очереди — бледный, взмокший, с искаженным какой-то кривой отчаянной гримасой физиономией, с неожиданной и непонятной силой и яростью оттолкнул от себя того самого джентльмена в розовой рубашке, который... Игорь Деметриос застыл от неожиданности. Джентльмен отлетел к стене, затянутой черным сукном, и едва-едва не свалил

бесценную статую голого императора в образе Марса. В зале закричали, к месту происшествия ринулись дюжие секьюрити. Один подхватил под мышки соотечественника, двое других надвинулись на возмутителя спокойствия, явно собираясь вывести его силой из зала, но...

— А вам что надо? — все так же бешено тот отшвырнул их от себя. — Пошли к дьяволу... ни за что не дамся... нет!

Секьюрити применили прием, завязалась настоящая потасовка, в результате которой странный бузотер был опрокинут и прижат к полу. Он орал, выплевывая из себя бессвязные ругательства, потом вдруг рванул ворот шегольской рубашки поло с такой силой, что треснула ткань. Один из охранников начал звонить по мобильному, явно вызывая в зал полицию.

Игорь Деметриос протиснулся вперед. О, теперь он видел — это не просто хулиганская пьяная выходка, от парня там, в вестибюле музея, и пивом-то не пахло. Это что-то другое, возможно, как раз по его профилю.

— Женька, милый... ну помогите же кто-нибудь, ему плохо! Моему мужу плохо! — возле охранников металась та самая темноволосая нимфа по имени Жабик.

— Пропустите, я врач, — по-английски возвестил Деметриос. Охранники ослабили хватку. Но поверженный больше не сопротивлялся. Глаза его были полузакрыты, кулаки стиснуты, из груди со свистом вырывалось дыхание.

Игорь Деметриос наклонился.

— Не дамся, сдохну, не дамся... больше никогда... Не хочу, нет... Вода... тут везде вода... захлебнусь... все равно ни за что... сдохну, суки, захлебнусь, но не дамся больше...

Соотечественник, бормотавший помертвелыми губами, внезапно закашлялся гулко и надсадно. Деметриос моментально повернул его на бок, чтобы освободить, облегчить удушье. Это было не похоже на эпи-

лептический припадок, о котором он вначале подумал. Это было что-то совсем другое. Припадок, но... Человек на полу кашлял, его буквально выворачивало наизнанку. Деметриос приподнял его голову. Он подумал... нет, он не видел такого на практике, но этот парень... Здесь, на мраморном музейном полу, он ведет себя... черт, он ведет себя точь-в-точь как утопленник, вытасченный на берег, чьи легкие и дыхательные пути еще не освободились от воды. Но никакой воды нет. Только дождь, барабнящий там, снаружи, которого тут, в круглом зале, даже не слышно.

Врач-психотерапевт всегда остается самим собой даже за границей, даже на отдыхе. Профессия, которой столько отдано, ставшая твоим призванием, всегда берет свое даже над сугубо личным. По крайней мере у Игоря Деметриоса это всегда было так.

От неприятного инцидента на выставке их отделяло уже три дня. Они сидели в пабе, расположенном в двух шагах от отеля: Игорь Деметриос и его новые знакомые — он и она, Евгений и Евгения Ермаковы. Именно так они представились ему. Оказалось, что и в отеле они остановились в одном и том же. Базовых отелей в этом туре было всего три. Этот, на Стренде, вполне приличный и расположен прекрасно, оттого и выбрали.

Было девять часов вечера, Лондон сиял огнями, как прыничный домик. Деметриос, успевший побывать за эти дни везде, где хотелось, был настроен на благодушную сентиментальную волну. Хотелось действовать, помогать, волонтерствовать только оттого, что на душе было славно. Только от того, что сам он здесь, в этом городе, в котором почти все время шел дождь, ощущал себя счастливым и свободным. А тут — соотечественники, у которых что-то приключилось. Что-то такое странное, чему они сами никак, кажется, не найдут объяснения. И от этого на их лицах — тревога и расте-

рянность. Случай интересный, очень даже интересный с точки зрения его профессии. Пожалуй, ничего подобного в его практике не встречалось. Те два московских случая тоже интересные, и он продолжит активно ими заниматься сразу по возвращении, но этот лондонский эпизод...

Ермаков сидел напротив него рядом с женой, пил пиво. Деметриос вспомнил, как они вывели Евгения из Британского музея. Какое-то время он был не совсем адекватен, правда, это быстро прошло. С охранниками музея и полицией, слава богу, все как-то удалось замять тогда.

— Много успели посмотреть? — спросила его Женя Ермакова.

— Весь день бродил. Этот город как воронка, затягивает, околдовывает.

— А мы в номере просидели до обеда. Я телевизор пыталась смотреть. Так, тоска... Новости сплошные, нас все за Грузию полощут.

— Наподдали грузинам. — Ермаков стиснул бокал с пивом. — Мало еще, я б не так поступил.

— Вы служили в армии? — спросил Деметриос.

— Служил. Как все, срочную когда-то.

— Ну положим, служат сейчас не все, — Деметриос усмехнулся. — А насчет военного конфликта... Война в любом своем проявлении ужасна, гибельна. И вообще разве не комфортнее, не разумнее быть неотъемлемой частью всего этого, — он повел рукой, словно обнимая паб, где за тесными столиками локоть к локтю сидели вперемешку туристы, англичане, — ища компромиссы, избегая конфронтации? Здесь, в Лондоне, как-то все по-другому. Мне вот, не скрою, очень нравится старая Европа, я хочу, чтобы мы были с ней, в ней, а не отторгались. Всегда и для всех быть чужаками — удел скучный.

— Какие еще, к черту, компромиссы, когда они...

— Вы первый раз в Англии? — быстро перебил его Деметриос.

— Мы в отпуск сначала во Францию хотели ехать, ну а потом на Лондон быстро переиграли, — встряла Женя. — У нас после свадьбы толком ничего такого не было пафосного, никакой поездки, вот и решили устроить себе.

— Вы давно женаты?

— Уже полтора года.

— Поздравляю вас, — Деметриос поднял бокал. — Ваше здоровье.

— Нет, ваше здоровье. — Женя покачала головой. — Так выручили вы нас. Если бы не вы, его, наверное, в полицию бы забрали, а там доказывай, что он не пьян был. Что это... господи, что же это было-то?

Деметриос посмотрел на Ермакова. Тот напрягся, на скулах заиграли желваки.

— Ничего подобного никогда? — спросил Игорь.

Ермаков покачал головой.

— Но это была просто выставка. Разные экспонаты, этот император, его смазливый мальчишка, эти посетители, в общем-то весьма забавные безобидные люди... Что же вас так напугало там, а?

— С чего вы взяли, что я испугался?

— Ну не напугало, потрясло... Может быть, что-то напомнило? Какая-то ассоциация возникла?

— Ничего не было.

— Не хотите об этом говорить? Совсем-совсем? — тихо спросил Деметриос.

Ермаков молчал.

— Молчание не всегда золото, Женя. Некоторые вещи лучше отпустить на волю, не копить в себе. Иначе до нового взрыва недалеко.

— Вам до меня какое дело, Игорь?

— Ну, я еще там тогда вам говорил, я психотерапевт, у меня пациенты в Москве, приходят на консульта-

цию, за советом. Ваш случай, мне кажется, в чем-то уникальный. Пока, правда, я не разобрался.

— Я не псих.

— Конечно, нет.

— Вы дорого берете за свои консультации?

— У меня много весьма обеспеченных клиентов. С кого-то я беру больше, с кого-то могу взять по минимуму, если случай меня как врача интересует.

Ермаков пил пиво.

— Может быть, мы поговорим в Москве? — вкрадчиво спросил Деметриос. — Вы ведь оба москвичи?

— Женя ко мне из Питера переехал, мы на Профсоюзной живем, — ответила Женя.

— А у меня офис в центре, в Калашном переулке, сразу за Театром Маяковского. Вот моя визитка, — Деметриос подал карточку Ермакову. — Тут телефоны, и мобильный и рабочий.

Женя выхватила карточку у мужа. На румянном личике ее была написана решимость. Деметриос понял, что пациент придет к нему на прием. Она — жена, она заставит. Жабик ты мой прекрасный...

Профессиональный долг был исполнен. Игорь Деметриос ощущал прилив бодрости. Теперь можно и расслабиться. Расплатиться в пабе, голоснуть такси и смыться со Стрэнда. И закончить лондонскую ночь, конечно же, в Сохо на какой-нибудь Олд-Комптонстрит в самом отвязном и безалаберном на свете заведении, куда не преминула бы заглянуть, живи она сейчас, сладкая парочка — Адриан и гей его императорского величества.

Реклама Apple...

Нескончаемый поток машин...

А где-то там, в пелене дождя, мост Ватерлоо, перекинутый через священный Нил, и прямо по курсу — кремлевские башни с рубиновыми звездами.

**«ЗЕНИТ — МАНЧЕСТЕР ЮНАЙТЕД»,
ИЛИ ОТВЕТНЫЙ ХОД**

Москва. Наши дни

— Что он делает? Нет, что он делает?! Бить надо, бить по воротам! Удар! Го-о... Убью, мазила!

«Павел Погребняк запускает мяч выше...»

— Какой момент коту под хвост!

Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, едва не оглохла. Муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценный В.А.», вопил так, что в баре дрожали стекла.

Нелегкая занесла их в этот спортбар на Таганке после театра. В театр Катя завлекла Драгоценного почти насильно. Ей хотелось посмотреть любимовское «Горе от ума». Драгоценный поначалу согласие приобщиться к искусству дал. Он вообще старался угождать Кате, идти у нее на поводу. Всего несколько дней отделяли их от долгой разлуки. Драгоценный должен был сопровождать своего работодателя Чугунова, у которого вот уже сколько лет являлся и начальником личной охраны, и главой безопасности, и чем-то вроде топ-менеджера по всем вопросам, в Германию. Старый Чугунов страдал от диабета, и в Германии ему предстояла операция на ногах. Драгоценный отправлялся вместе с ним, и в перспективе на несколько месяцев вперед у него не было ничего светлого, кроме госпиталей и реабилитационных клиник. Между ним и работодателем с годами установились совершенно особые отношения. У старого Чугунова был солидный капитал, но не было детей. Начальника своей личной охраны он называл «сынком» и, старея, страхась болезни и смерти, цеплялся за него, порой капризная как ребенок, беспрестанно требуя сочувствия и внимания.

Катя была от такого положения дел не в восторге. Пробовала возражать. Но Драгоценный отвечал одно: «Я своего старика не брошу. А ты недели через три возьмешь отпуск и приедешь ко мне в Германию. Клиника под Мюнхеном, пока дед мой в себя будет приходить, найдем чем с тобой заняться».

Именно ввиду скорой разлуки он старался исполнять все, о чем Катя его просила. Или почти все. Согласился вот пойти в театр. Правда, когда узнал, что это не то «Горе от ума», которое смотрел Путин, то тут же попытался взять свое согласие назад. Но Катя и сама не хуже хворого старика Чугунова умела капризничать и добиваться своего.

В театре Драгоценный все время смотрел на часы. И ерзал как на иголках. Катя в толк взять не могла, ведь кажется, нравится ему спектакль.

Из театра он ее выдернул, как морковку с грядки, потащил куда-то по улице и втолкнул, как показалось Кате, в первый попавшийся бар. Лицо его при этом светилось истинным вдохновением. Через минуту Катя поняла причину, осознала, что ей предстоит. По телевизору начиналась трансляция матча «Зенит» — «Манчестер Юнайтед». Посиделки в баре и дикие, совершенно первобытные вопли являлись расплатой за «Вон из Москвы, сюда я больше не ездук».

«Наших болельщиков на трибунах однозначно больше. «Зенит» — бело-голубые...»

Комментатор в телевизоре захлебывался. Катя вяло ковыряла вилкой колечки жареных кальмаров. Закуска к пиву.

«Трибуны питерцев слышно хорошо. Болельщики скандируют. Угловой! Опасный момент... На Флетчера высокий навес...»

В баре было не так уж и много болельщиков. Москва наблюдала за потугами «Зенита» с ироническим прищуром. Но те, кто собрался в баре, орали, свистели и гоготали — один за десятерых.

Катя косилась на мужа. Вот и симпатичный он у нее, хорош собой, бродяга, и костюм этот черный у него классный, и белая рубашка, так что же сейчас у него такая свирепая бандитская рожа? Ведь это всего-навсего футбол. Это же надо так из себя выходить?

«Штрафной в ворота «Манчестера». Еще одна передача! Бить надо! Штанга! Руни пробил, Малофеев выручил! Погребняк вносит мяч в сетку ворот!»

ГО-О-О-ОЛ!!

— Красиво забили! Браво, питерские!

— Чего питерские, и так совсем уже на голову сели.

— «Спартак» бы попробовал.

— «Спартак» еще себя покажет.

— Вадик, — позвала Катя робко.

— Подожди.

Катя вздохнула. Прямо сросся с этим теликом над стойкой бара. На поле мельтешили игроки — судорожные перебежки, отчаянная решимость забить. Кате отчего-то вдруг вспомнились строчки «Бармаглота» из «Алисы»: «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве».

«Футболисты на своей половине и очень грамотно прикрывают дыры, куда можно проскочить...»

Хливкие шорьки пырялись...

«Вы послушайте, что творится на трибунах. Болельщики поют, скандируют. Они зажгли флэшфайеры».

«И хрюкотали зелюки...» — Катя смотрела на Драгоценного, с горящими глазами он издавал горлом какие-то утробные звуки — ярости, азарта, восторга.

«Раз-два-раз-два, горит трава... Ува! Ува! И голова барабардает с плеч...»

Пестренький мячик катился по зеленой травке, и с ним, только с ним, казалось, была в этот миг связана жизнь и судьба Драгоценного.

«Ну и пусть, пусть орет, разорвется. Пусть делает что хочет. Пусть. Уедет вот скоро, надолго уедет, как я буду без него, это ужасно, это невозможно». Катя тоже смотрела на экран.

«Как здорово действует Анюков, какой прорыв...»

— Что он делает, что он делает, бить надо, бить...
Что ж это он делает, подлец!

За окном давно «варкалось», Таганку окутала августовская ночь. В перерыве Драгоценный влил в себя бог знает сколько пива. Сграбастал грустную Катю за руку, поцеловал в запястье.

— Моя жена!

Телик бармен в перерыве переключил на НТВ, чтобы клиенты не скучали. Шла передача Владимира Соловьева.

— И тут тоже про англичан, — хмыкнул кто-то пьяненький за соседним столиком. — Совсем опупели с ними.

Упоминались убийство в Лондоне Литвиненко, радиоактивный полоний, отель «Миллениум», спецслужбы. В баре на Таганке в ожидании второго тайма и на это смотрели с прищуром.

Соловьев заковыристо беседовал с депутатом Луговым. Катя гипнотизировала Драгоценного: эй, обернись ко мне, это я, твоя жена, я люблю тебя...

— Спорить готов на что угодно, — Драгоценный обернулся к ней. — Просто так все это не кончится. Будет от них ответный ход.

— От кого от них? — Кате так хотелось взерошить мужу затылок, опустить голову ему на плечо, почувствовать себя в полной его власти в кольце объятий.

— От английской разведки. Или я ничего не смыслю в этих ребятах из «МИ-6». — Драгоценный хмыкнул. — Чего б там ни было с этим лондонским жмуриком, но на полоний в центре Лондона ответный ход со своей стороны они сделают. Они пацаны серьезные, ушлые. И это будет тот еще ход.

Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве...

Ну, поцелуй же меня, что ты там про какую-то разведку заладил. То про разведку, то про футбол...

— Катька, все, атас, второй тайм, прекрати меня

тормошить, — Драгоценный отстранился. — Вообще как ты себя ведешь?

Пестренький мячик снова «барабардал» по зелененькой травке, как чья-то забубенная срубленная головка. И вся жизнь и судьба опять, казалось, серебряной нитью были связаны с ним одним.

Катя поняла, что скоро, совсем скоро она окажется совсем одна. ОНА И ПРЕДСТАВИТЬ НЕ МОГЛА СЕБЕ, ЧТО ЕЕ ЖДЕТ.

Глава 4

ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ

Ленинский проспект перекрыли как раз в тот момент, когда очередь на движение под зеленый светофор дошла в нескончаемом потоке машин до Владимира Жуковского. Тронуться должен был с места, а тут вместо зеленого — красный, и гаишник показывает жестами: стоять, не рыпаться. И все это, когда дико опаздываешь на работу. Опаздываешь после вынужденного прогула, насчет которого только вчера униженно объяснялся с шефом по телефону: «Не могу выйти, потому что мои семейные обстоятельства...»

«Привезли облицовочный камень для вестибюля, — проскрипел шеф. — Владимир Николаевич, это ваши прямые обязанности — следить за ремонтными работами здания».

Прямые обязанности сорокадвухлетнего офисного служащего, который когда-то учился на юриста, а вкалывает менеджером, по сути совмещая должность завхоза и коменданта здания. Юристов сейчас как вшей, переизбыток. Въедливым, опытным практикам-крючкотворам мест не хватает, а тут он, Жуковский, который и дня не работал ни в адвокатуре, ни в суде, ни в нотариате.

Образование всегда было его больным местом. Жу-

ковский стиснул руль. Не то что у братца Алешки. Он всегда и везде был первый — в школе золотой медалист, в университете. В школе учителя в один голос твердили: «Мальчик гениально одарен». Когда в 1973 году Володька Жуковский пошел в школу, он уже тогда был братом того самого Жуковского Алексея, который в свои двенадцать лет участвовал в математических олимпиадах для старшеклассников.

О нем уже тогда трубили во все медные трубы. Трубят и сейчас. Косвенно трубят почти каждый божий день.

Вот на сиденье газета «Аргументы недели». И там статейка. В пробке стоишь на Ленинском, отчего же не глянуть статейку. «Испытания авиабомбы объемного взрыва прошли на военном полигоне в Баренцевом море. Военные засекретили почти все данные, но они дают понять, что итоги испытаний превзошли их самые смелые прогнозы. Военные утверждают, что боеприпас создан с использованием нанотехнологий. На практике это может означать применение композитных взрывчатых веществ, спроектированных на атомарном уровне».

Может, другой и не обратит внимания на статейку, а ему, Жуковскому-младшему, ясно: старший братец и тут постарался, проявил себя как выдающийся, гениальный...

Владимир Жуковский стиснул руль, стиснул зубы. И тут по резервной полосе мимо них, томящихся в пробке, промчался кортеж: черные джипы с мигалками, черный микроавтобус, машины сопровождения. Ах-ах-ах, что вы, что вы...

Нет, это не брат. Это кто-то покруче, повыше, но... Брат тоже сейчас может вот так — проехаться с ветерком. Имеет полное законное право. Он много чего имеет сейчас.

«Алеша всего добился сам. И он нам поможет. Он и так нам всегда помогает. Я попрошу его, и он...» — это уже слова жены Оксаны. Вот бабы — суки лживые,

выходила ведь за него, дочь вон ему родила какую. А теперь, когда старший брат Алешка высоко взлетел — рукой не достать, только он у нее на языке, только о нем она целыми днями и твердит: Алексей добился, Алексей помогает, Алексей выручит, позвонит, даст денег...

Черных с мигалками давно и след простыл. Но путь по-прежнему закрыт. Кого-то еще ждут. Может, брата Алешеньку?

Жуковский скомкал «Аргументы недели». И тут же устыдился своего порыва. Тихо, тихо, надо держать себя в руках. Надо контролировать себя, не доводя дело до срыва, а то будет как в прошлый раз...

В тот раз он, кажется, напугал Оксану, по крайней мере, она не ожидала от него такой вспышки ярости. Это было в присутствии тещи, та вечно суется во все. И такой момент, как замена кухни, конечно же, не могла пропустить. Он предложил взять кредит в банке на покупку новой кухни. А жена Оксана... Она так мило улыбнулась: зачем кредит, Вовка, мы попросим денег в долг у Алеши, он мне сказал, что мы можем всегда располагать им. Не надо будет платить проценты, просто попросим у него в долг, и все.

Это «и все» и ее глупая улыбка заставили его тогда... кажется, он что-то разбил в этой чертовой кухне. С тещей случилась истерика — он, видите ли, ее до смерти напугал. Ведьма... Они всегда с Оксаной заодно. И всегда говорят о брате. Причем в превосходной степени, почти с мистическим восторгом. А когда увидели его по телевизору на заседании Госсовета, то вообще... Укрепление национальной безопасности страны — тема государственной важности. Особенно после «пятидневной войны». У них были такие лица, словно это божество явилось им обеим на телеэкране. Он вырубил телевизор и шваркнул пульт об стену. И тогда... Тогда жена обратилась к этому Деметриосу — психотерапевту. От кого-то из подруг услышала о нем и поставила

ему, Владимиру, ультиматум: или пройдешь курс в несколько сеансов, или «мы с мамой и с дочкой переедем на время жить в дом Алексея, он не имеет ничего против».

Братец в своей христианской благотворительности бедным родственникам и на это был способен — дать приют его перепуганному семейству.

Конечно, там все условия, там обслуга, это же фактически правительственная резиденция. И он там один живет — холостой, занятый по горло делами государственной важности в системе организации вопросов обороны и безопасности. Какой-то суперсовременный сверхзасекреченный военный проект, объединяющий сразу несколько отраслей, несколько направлений, связанных с нанотехнологиями на атомарном уровне.

ЧТО ЕЩЕ ЗА ЧЕРТОВО СЛОВО ЭТИ НАНОТЕХНОЛОГИИ? Почему я, я — Владимир Жуковский, понятия не имею, что это за чертово волшебное слово? И почему мой брат это знает, и для него, ученого, оно открывает такие возможности в области государственной карьеры, менеджмента самого высокого уровня. Почти мировые перспективы... Да еще правительственная резиденция на Рублевке, обслуга, охрана. Живет там совсем один, даже собаки не завел — некогда, говорит, брат Володя, одна работа, только работа, приезжаю домой в двенадцать ночи, уезжаю в семь утра. А ночью бывает звонок — то из Минобороны, то из ядерного института, а то из Кремля.

Охрана...

Стриженные лужайки ухоженного парка...

Залитый огнями зал заседаний Госсовета...

Жена Оксана, наверное, не прочь сменить их двухкомнатную квартиру на эту самую резиденцию. Квартирка для них двоих сразу после свадьбы была ничего. Но потом родилась дочка, а к ней пластырем прилипла теща, переехала, перебралась плотно, что называется, намертво и...

«Прекрасная женщина твоя Оксана, — сказал ему как-то брат. — Вот мне бы такую найти. А я, видишь, не нашел, не умел найти. Сорок семь мне, а я все дома своего не имею. Сплошная казенщина».

Охрана...

Стриженные лужайки...

Пуленепробиваемый «Мерседес» с мигалкой и водителем в бронезилете...

Он что же, братец, жалуется, что ли, на ВСЕ ЭТО?!

Тихо, тихо, только не надо, возьми себя в руки... Зависть... Нет, братец, это не зависть, это что-то другое... Другое...

Если бы это ты ехал сейчас мимо по резервной полосе, то это было бы совсем нестерпимо, невозможно... Но это не ты. И слава богу... слава богу... Обошлось... Обошлось?

Пластиковый обод руля, который Владимир Жуковский чувствовал под пальцами всего секунду назад, словно растаял, растворился в воздухе, отравленном бензиновой гарью. И сами эти руки стали иными, как будто уменьшились в размерах. На тыльной стороне выступили пятнышки цыпок. Это когда они с братом Алешкой возились с головастиками — пересаживали их в банки со свежей водой. Это было на даче под Москвой. Кажется, дачная станция Узловая, да, там они жили в то лето. Сколько же лет назад это было? Тысяча? Миллион?

А цыпки-то на руках — вот они до сих пор... Брат Алешка был старше его, но никогда не задира нос. Он всегда был самый верный его защитник — и в школе, и на даче от местных пацанов. Он был добрым — даже головастика жалел, выхаживал, воду заставлял менять, чтобы не сдохли. Он был умным, всегда что-то читал, решал, какие-то формулы чертил на полях. А в школе он был в совете пионерской дружины, а сейчас вон в Госсовете, в правительстве...

А цыпки-то на руках?!

«Не надо будет платить проценты, мы попросим денег в долг у Алексея» — это сказала жена Оксана. Тогда там, на даче, он вообще и думать не думал, что когда-то у него будет жена. Он... ОН ПОМНИЛ ВСЕ ТАК ЯСНО, ТАК ОТЧЕТЛИВО. Они жили на даче, и брат защищал его от местных, чтобы не обижали, не лупили. Даже дрался из-за него. А ему на лето по внеклассному чтению задали кучу книжек прочитать. И это было так скучно. Но однажды брат сказал ему: есть книжка про шпионов, не оторвешься. Это была «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара. Они все тогда были такие пионеры, такие пионеры...

Что же это такое происходит? Светофора не видно, не разобрать, какой там свет горит — красный ли по-прежнему или зеленый. Не сигналият, значит, движение закрыто, но отчего же тогда...

Владимир Жуковский увидел свои руки — детские руки в цыпках. Как произошла с ним такая метаморфоза, он не мог уяснить себе вот уже сколько лет — но это бывало с ним, случалось. И в последнее время все чаще, чаще, чаще...

Желтые кожаные сандалии, детские сандалии на загорелых ногах. Коленка в зеленке, свежие царапины, капли пота на лбу. Он куда-то бежит. Бежит так, словно от этого зависит все, ВСЕ ЗАВИСИТ.

НАДО УСПЕТЬ.

Потом спускается по какой-то обрывистой тропинке. Тянет сыростью и еще чем-то затхлым, вонью какой-то тянет, тленом, мертвечиной. Но он не должен бояться. Он должен...

Перед глазами стена — серый камень, паутина трещин, поросших мохом. Серый камень, какие-то развалины. Здесь есть тайник, расщелина. Он сует туда руку и с придушенным криком отдергивает — что-то черное, блестящее, многоногое, шевеля усами, поводя хитиновыми челюстями, нацеливается на его пальцы. Насекомое, мерзость, трупоед... Ну, трупоед, тебе сейчас будет пожива.

Он не должен ничего бояться. Разве это не слова его брата? Он так любил повторять их. Смелый, благородный, гениальный мальчик... Мальчик...

Мальчик с руками в цыпках, с голыми коленками в зеленке, одетый в шорты и защитного цвета курточку, мальчик в пилотке и красном галстуке сует руку в тайник и вытаскивает что-то, завернутое в лист лопуха. Это пистолет системы «браунинг». Владимир Жуковский чувствует пальцами холодок его рукоятки. Он видит это как бы со стороны и вместе с тем — это он сам там, внизу, припав по-лягушачьи на корточки перед этими серыми камнями, руинами чего-то «бывшего», поросшего травой, кустами. Это раздвоение пугает его всегда больше всего. Раздвоение — это шизофрения. Неужели шиза? Но об этом они с этим чертовым психологом пока что не говорили...

«Надо контролировать себя. Принимать лекарства. Я выпишу вам. Это совершенно безвредный препарат, однако не злоупотребляйте».

Он и не злоупотреблял. Выпил всего одну таблетку и забросил. Пальцы чувствуют холод металла. И Ленинского проспекта никакого нет. Есть только сырой овраг, из которого нужно выбираться наружу, чтобы...

Мальчик карабкается по тропинке вверх. И вот уже — солнце, пятна на летней траве, дачная дорожка. А на ней фигура.

В той памятной книжке «Судьба барабанщика» двое шпионов давали деру с дачи. Только было это не под Москвой на станции Узловой, а под Киевом. Двое взрослых шпионов, врагов. А тут на дачной дорожке всегда один. Всегда, вечно один ВРАГ.

Мальчик с голыми коленками в зеленке вскидывает пистолет, сдергивает предохранитель.

Фигура на дачной дорожке. Вот он идет. Вот замечает. Поднимает руку к лицу, защищаясь. Поздно! Выстрел.

ВЫСТРЕЛ!

Каждый раз пуля попадает в цель, но в разные места. Иногда в глаз, и он лопается, как стеклянный шарик, пачкая слизью и кровью щеки, подбородок. Иногда пуля попадает в пах, и наружу на метр бьет фонтан крови из пробитой артерии. Иногда пуля попадает в сердце. И тот, в кого она попала, падает, словно подкошенный, даже не охнув. Но это неинтересно. Лучше когда пуля попадает в живот, пробивая брюшину. Потому что тогда тот, в кого она попала, умирает не быстро, мучительно, царапая ногтями траву, хрипя и...

Мальчик с пистолетом подходит ближе. Наклоняется над телом. Сейчас, вот сейчас он так близко, так близко, что можно даже увидеть бисеринки пота на его детских висках. Подбритый детский затылок, нежную ложбинку на шее. Вот он оборачивается.

Блаженная улыбка кривит его губы. Потом верхняя губа вздергивается, словно в оскале, обнажая острые клыки, которые впиваются в...

Владимир Жуковский укусил себя за кисть. Все, я сказал ВСЕ, довольно, хватит!

Это ВСЕ. И больше не будет ничего. Только Ленинский проспект. Только дорога. Дорога...

Он не сумасшедший.

Даже если ВСЕ ЭТО повторяется раз от раза все ярче, все сильнее, он не сумасшедший.

Он едет на работу. Он управляет своей машиной. Вон и светофор горит зеленый.

Как будто и не было ничего — пробки, правительственного кортежа, «браунинга», спрятанного там, в расщелине среди серых камней.

Как будто не было ничего.

Ничего. Никогда.

В офис, расположенный в Соймоновском переулке, Владимир Жуковский вошел с десятиминутным опозданием. Отметил карточку регистрации на пульте охраны. И застыл, словно его внезапно ударило громом.

В просторном вестибюле нового офисного здания,

которое занимал инвестиционный фонд «Евразия-групп Лимитед», кипели отделочные ремонтные работы. Целая бригада штукатуров и каменщиков декорировала стены облицовочными плитами из серо-зеленого мрамора.

Бригадир, завидев опоздавшего Жуковского, поспешил к нему: облицовочный камень привезли вчера в его отсутствие и спешно начали работы, стараясь уложиться в контракт и в смету.

— Владимир Николаевич, мы эту часть вчера уже почти закончили...

— Это что? — спросил Жуковский, указывая на серую стену. Ту самую стену, которая здесь и сейчас окружала его со всех сторон. Не оставляя выхода, не оставляя надежды.

—

— Это плитка... облицовочный камень...

— Это что?! — взревел Жуковский (которого в офисе в общем-то держали за тихого, неконфликтного сотрудника. Неудачника по полной программе.) — Это что такое, я вас спрашиваю?!

Он схватил молоток, забытый кем-то из рабочих на стремянке, и с размаха ударил по облицованной мрамором стене.

По серой матовой глади зазмеились трещины. Несколько плиток с грохотом отвалилось.

Глава 5

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Знакомство «вприглядку» состоялось у Кати с четой Жуковских — Владимиром и Оксаной и Алексеем Николаевичем Жуковским на свадьбе Катиной подруги Нины Картвели.

Свадьба Нины и Марка Гольдера — это было пер-

вое, что вспомнила Катя после того, как проводила Драгоценного в аэропорт. Вечерний рейс, Драгоценный сопровождал своего хворого работодателя Чугунова: куча багажа, обслуга, старая жена работодателя, его секретарша-любовница, личный врач, медсестра. Это самое «сынок», которое повторял Чугунов Драгоценному к месту и не к месту, — все это почти бесило Катю. Умнее и тактичнее было остаться дома и не ехать в Шереметьево. Она и осталась. Простились, что называется, на пороге.

— Сразу позвоню, а ты готовься недельки через три ко мне, отпуск оформляй, — командовал Драгоценный.

— Хорошо, Вадик, я все сделаю.

Уехал. Улетел... Сокол ненаглядный. Катя долго стояла у окна, хотя видеть было некого и нечего — одну лишь Фрунзенскую набережную, реку, зелень парка на том берегу. Сокол мой...

Потом все было как обычно. Рядовой августовский вечер — не поехала на дачу, осталась в городе, потому что сокол, сокол ненаглядный улетел.

А ночью Катя проснулась в слезах. Подушка была мокрой. Так было жалко себя. Просто ужасно. Запоздалая реакция на разлуку. На «улет». И вспомнилось самое яркое из последних впечатлений перед разлукой: свадьба Нины и Марка Гольдера, на которой они были вместе с Драгоценным. Он и сам туда разрядился как жених, что бывало с ним крайне редко. И Катя по такому случаю разорилась, купила дорогое вечернее платье.

Свадебный банкет проходил в Кремлевском зале ресторана «Прага». Нина-невеста была похожа на маленькую снежную птичку — вся в белом, а долговязый Гольдер — шахматист, гроссмейстер — парил над ней как орел. Истинный орел. История их романа была трудной, порой трагичной, все происходило на глазах Кати, да Драгоценный под занавес сыграл в этой истории почти рыцарскую роль спасителя. Такое не забывается. Но Катя не любила вспоминать ТО. Лучше бы-